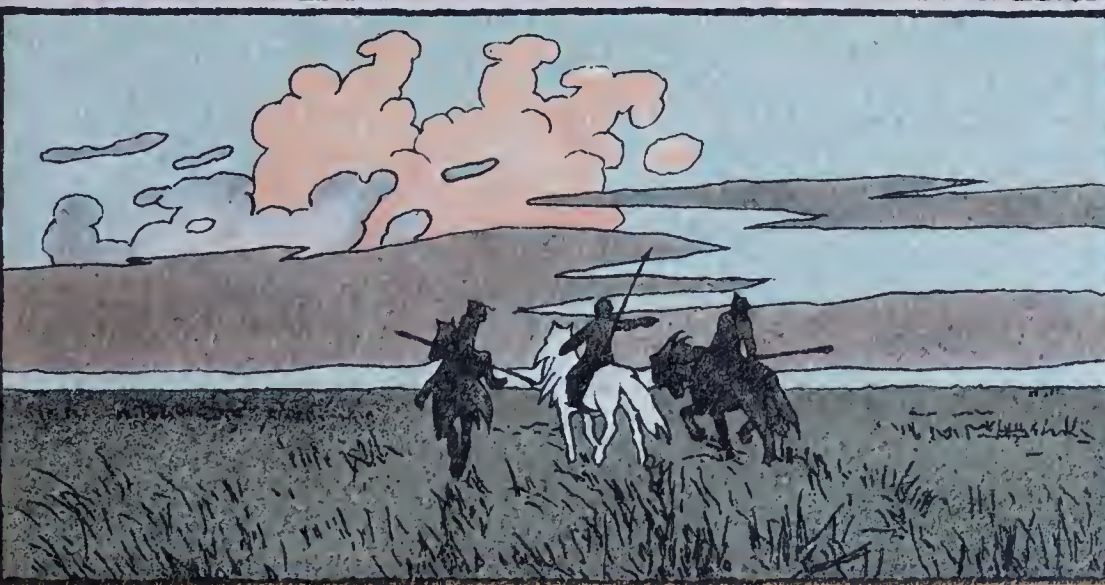
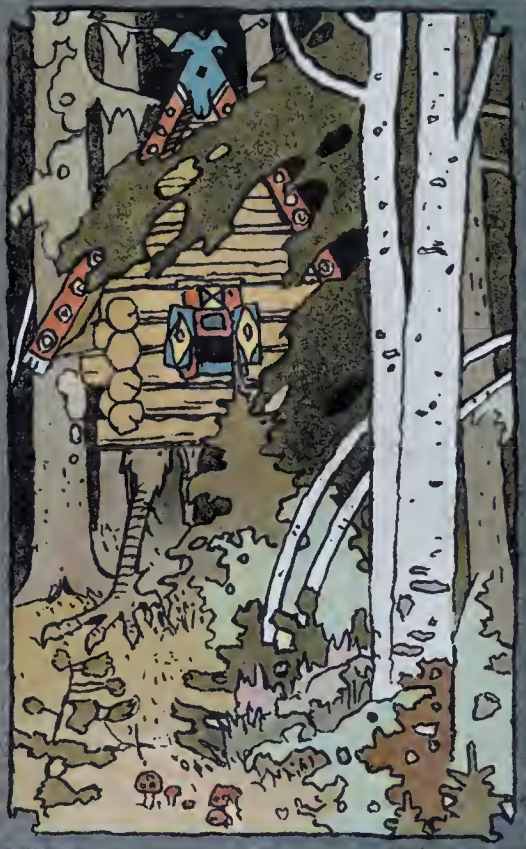

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.

Дозволено цензурою. 17 Декабря 1901 г.

ЦАРЕВНА-ЛАБѢКА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за синими морями, за высокими горами жилъ да былъ царь съ царицею. Долго жилъ царь на бѣломъ свѣтѣ, живучи состарился, а въ подмогу у царя было три сына, три царевича — всѣ молодые, холостые, удалцы такіе, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать; летаютъ себѣ день деньской на своихъ коняхъ богатырскихъ, словно ясные соколы въ поднебесьѣ. Всѣ три брата хороши-удалы, но лучше всѣхъ, удалѣй всѣхъ былъ младшій братъ, а звали его Иваномъ-царевичемъ.

Разъ позвалъ къ себѣ царь сыновей и сказалъ: „Дѣти мои милыя, вы теперь на возрастѣ, время вамъ подумать о невѣстахъ. Вамъ будутъ жены, а мнѣ невѣстки. Возьмите себѣ по каленой стрѣлѣ, ступайте въ заповѣдныя луга, натяните луки тугіе и пустите стрѣлы въ разныя стороны; на чей дворъ упадетъ стрѣла, тамъ и сватайтесь“.

Пустилъ стрѣлу старшій братъ, — и упала стрѣла на боярской дворъ, прямо насупротивъ дѣвичья терема; пустилъ середній братъ, — полетѣла стрѣла на

дворъ къ купцу, къ гостю богатому, и остановилась у краснаго крыльца, а на томъ крыльцѣ стояла душа-дѣвица, дочь купеческая; пустилъ стрѣлу Иванъ-царевичъ,—высоко взвилась она, изъ виду пропала.

Долго не могъ найти своей стрѣлы Иванъ-царевичъ, закручинился онъ, запечалился. Цѣлыхъ два дня ходилъ онъ по лугамъ и лѣсамъ, а на третій день забрелъ онъ въ топкое болото и увидѣлъ лягушку, а у лягушки была его стрѣла. Хотѣлъ было бѣжать Иванъ-царевичъ и отступить отъ своей находки; но лягушка закричала: „Ква-ква, Иванъ-царевичъ, поди ко мнѣ, возьми свою стрѣлу, не то, вѣчно не выйдешь изъ болота“. Нечего дѣлать, взялъ Иванъ-царевичъ лягушку, положилъ въ полы кафтана и побрелъ домой.

Пришелъ къ отцу и говоритъ: „Какъ мнѣ за себя квакушу взять? квакушка не ровня мнѣ!“ — „Бери!“ отвѣчаетъ ему царь, „знать, судьба твоя такова“. Потужилъ, поплакалъ Иванъ-царевичъ, да, видно, противъ судьбы не пойдешь. Вотъ, поженились царевичи: старшій—на боярышнѣ, середній—на купеческой дочери, а младшаго обвинчали на квакушкѣ и держали ее на блюдѣ, пока вѣнчали.

Вотъ, живутъ они. Долго-ли, коротко-ли, призываетъ царь сыновей своихъ и приказываетъ имъ: „Чтобы жены ваши испекли мнѣ къ завтраму по мягкому бѣлому хлѣбу“.

Воротился Иванъ-царевичъ въ свои палаты невеселъ, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ. — „Ква-ква, Иванъ-царевичъ! почто такъ кручиненъ сталъ?“ спрашиваетъ его лягуша, „аль услышалъ отъ отца своего слово непріятное?“ — „Какъ мнѣ не кручиниться? Государь мой батюшка приказалъ тебѣ къ завтраму изготовить мягкій бѣлый хлѣбъ“. — „Не тужи, Иванъ-царевичъ! не кручинься по напрасному; ложись-ка спать, поживать; утро вечера мудренѣ!“

Уложила царевича спать, а сама сбросила съ себя лягушечью кожу и обернулась душой-дѣвицей Василисой Премудрою, такою прекрасною, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать; вышла она на красное крылечко и закричала громкимъ голосомъ: „Мамки, няньки! собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкій бѣлый хлѣбъ, каковъ ѣла я, кушала у родного моего у батюшки“.

На утро проснулся Иванъ-царевичъ, у квакуши хлѣбъ давно готовъ — и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Изукрашенъ хлѣбъ разными хитростями, по бокамъ видны города царскіе и съ заставами.

Взялъ Иванъ-царевичъ хлѣбъ и понесъ къ отцу. Отецъ въ то время принималъ хлѣбы отъ большихъ братовей; ихъ жены какъ попускали въ печь хлѣбы, такъ и вышли у нихъ кули-мули. Царь наперво принялъ хлѣбъ отъ большого сына, посмотрѣлъ и отослалъ на кухню; отъ середняго принялъ и туда же послалъ. Дошла очередь до Ивана-царевича; подалъ онъ свой хлѣбъ. Отецъ принялъ, посмотрѣлъ и говоритъ: „Вотъ, это хлѣбъ—во Христовъ день ѣсть! не такой, какъ у большихъ снохъ, съ закалой“.

Царь даетъ опять приказъ тремъ своимъ сыновьямъ: „Чтобы жены ваши сшили мнѣ въ единую ночь по сорочкѣ“.

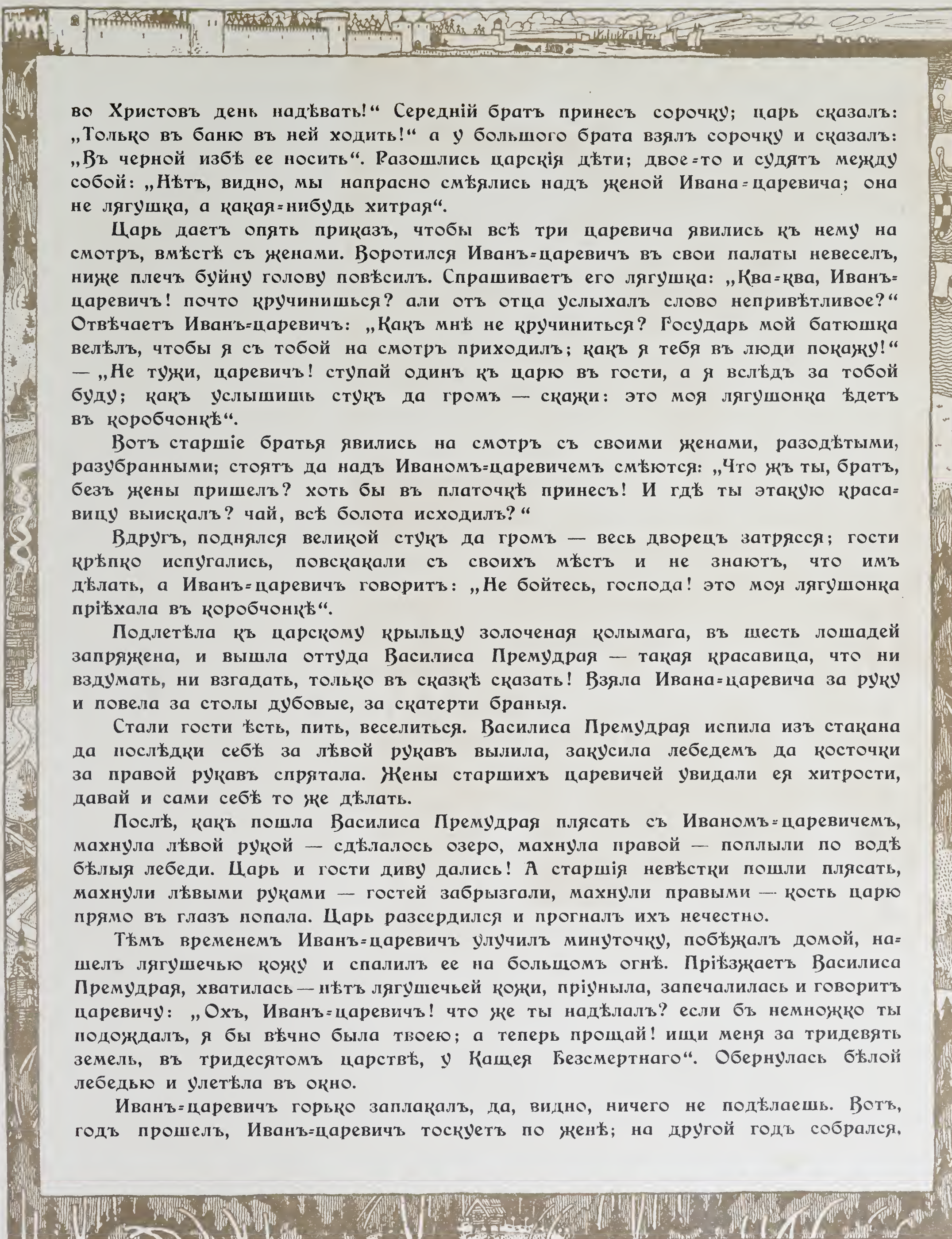
Воротился Иванъ-царевичъ невеселъ, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ. — „Ква-ква, Иванъ-царевичъ! почто такъ кручиненъ сталъ?“ спрашиваетъ его лягушка, „аль услышалъ отъ отца своего слово жесткое, непріятное?“ Отвѣчалъ Иванъ-царевичъ: „Какъ мнѣ не кручиниться? Государь мой батюшка приказалъ за единую ночь сшить ему сорочку“. — „Не тужи, Иванъ-царевичъ! не кручинься по напрасному; утро вечера мудренѣ!“

Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу и обернулась душой-дѣвицей, Василисою Премудрою, такою прекрасною, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать; вышла она на красное крыльцо и закричала громкимъ голосомъ: „Мамки, няньки! соби-

райтесь, снаряжайтесь, сшейте сорочку, чтобы такая была, какую нашивалъ мой родимый батюшка!“ Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

На утро проснулся Иванъ-царевичъ, у квакуши сорочка давно готова — и такая чудесная, что ни вздумать, ни взгадать, развѣ въ сказкѣ сказать. Изукрашена сорочка золотомъ, серебромъ, хитрыми узорами. Взялъ Иванъ-царевичъ сорочку и понесъ къ отцу. Царь принялъ ее, посмотрѣлъ: „Ну, вотъ это сорочка—

во Христовъ день надѣвать!“ Середній братъ принесъ сорочку; царь сказалъ: „Только въ баню въ ней ходить!“ а у большого брата взял сорочку и сказалъ: „Въ черной избѣ ее носить“. Разошлись царскія дѣти; двое-то и судятъ между собой: „Нѣтъ, видно, мы напрасно смѣялись надъ женой Ивана-царевича; она не лягушка, а какая-нибудь хитрая“.

Царь даетъ опять приказъ, чтобы всѣ три царевича явились къ нему на смотръ, вмѣстѣ съ женами. Воротился Иванъ-царевичъ въ свои палаты невеселъ, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ. Спрашиваетъ его лягушка: „Ква-ква, Иванъ-царевичъ! почто кручинишься? али отъ отца услыхалъ слово непривѣтливое?“ Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: „Какъ мнѣ не кручиниться? Государь мой батюшка велѣлъ, чтобы я съ тобой на смотръ приходилъ; какъ я тебя въ люди покажу!“ — „Не тужи, царевичъ! ступай одинъ къ царю въ гости, а я вслѣдъ за тобой буду; какъ услышишь стукъ да громъ — скажи: это моя лягушонка ѣдетъ въ коробчонкѣ“.

Вотъ старшіе братья явились на смотръ съ своими женами, разодѣтыми, разубранными; стоятъ да надъ Иваномъ-царевичемъ смѣются: „Что жъ ты, братъ, безъ жены пришелъ? хотъ бы въ платочкѣ принесъ! И гдѣ ты этакую красавицу выискалъ? чай, всѣ болота исходилъ?“

Вдругъ, поднялся великій стукъ да громъ — весь дворецъ затрясся; гости крѣпко испугались, повскакали съ своихъ мѣстъ и не знаютъ, что имъ дѣлать, а Иванъ-царевичъ говоритъ: „Не бойтесь, господа! это моя лягушонка пріѣхала въ коробчонкѣ“.

Подлетѣла къ царскому крыльцу золоченая қолымага, въ шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браныя.

Стали гости ѣсть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила изъ стака́на да послѣдки себѣ за лѣвой рукавъ вымила, закусилъ лебедемъ да қосточки за правой рукавъ спрятала. Жены старшихъ царевичей увидали ея хитрости, давай и сами себѣ то же дѣлать.

Послѣ, какъ пошла Василиса Премудрая плясать съ Иваномъ-царевичемъ, махнула лѣвой рукой — сдѣлалось озеро, махнула правой — поплыли по водѣ бѣлыя лебеди. Царь и гости диву дались! А старшія невѣстки пошли плясать, махнули лѣвыми руками — гостей забрызгали, махнули правыми — қость царю прямо въ глазъ попала. Царь разсердился и прогналъ ихъ нечестно.

Тѣмъ временемъ Иванъ-царевичъ уллучилъ минуточку, побѣжалъ домой, нашелъ лягушечью қожу и спалилъ ее на большемъ огнѣ. Пріѣзжаетъ Василиса Премудрая, хватилась — нѣтъ лягушечьей қожки, приуныла, запечалилась и говоритъ царевичу: „Охъ, Иванъ-царевичъ! что же ты надѣлалъ? если бъ немножко ты подождалъ, я бы вѣчно была твоею; а теперь прощай! ищи меня за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, у Кашея Безсмертнаго“. Обернулась бѣлой лебедью и улетѣла въ окно.

Иванъ-царевичъ горько заплакалъ, да, видно, ничего не подѣлаешь. Вотъ, годъ прошелъ, Иванъ-царевичъ тоскуетъ по женѣ; на другой годъ собрался,

выпросилъ у отца, у матери благословенье, помолился Богу на всѣ на четыре стороны и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Шелъ онъ близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — попадаетъ ему навстрѣчу старый старичокъ: „Здравствуй“, говорить, „добрый молодецъ, чего ищешь, куда путь держишь?“ Царевичъ разсказалъ ему про свое несчастье. „Эхъ, Иванъ-царевичъ! зачѣмъ ты лягушкою кожу спалилъ? Не ты ее надѣлъ, не тебѣ и снимать было! Василиса Премудрая хитрѣй, мудренѣй своего отца уродилась; онъ за то осерчалъ на нее и велѣлъ ей три года квакушею быть. Вотъ тебѣ клубокъ; куда онъ покатится — ступай за нимъ смѣло“. Иванъ-царевичъ поблагодарствовалъ старику и пошелъ за клубочкомъ.

Идетъ чистымъ полемъ, попадаетъ ему медвѣдь. „Дай“, говорить, „убью звѣря!“ а медвѣдь провѣщалъ ему: „Не бей меня, Иванъ-царевичъ! когда-нибудь пригожусь тебѣ“.

Идетъ онъ дальше, глядь — а надъ нимъ летитъ селезень. Царевичъ прицѣлился изъ лука, хотѣлъ было застрѣлить птицу, какъ вдругъ провѣщала она человѣчьимъ голосомъ: „Не бей меня, Иванъ-царевичъ! я тебѣ сама пригожусь“.

Онъ пожалѣлъ и пошелъ дальше. Бѣжитъ косой заяцъ; царевичъ опять за лукъ, сталъ цѣлиться, а заяцъ провѣщаль ему человѣчьимъ голосомъ: „Не бей меня, Иванъ-царевичъ! я тебѣ самъ пригожусь“.

Иванъ-царевичъ пожалѣлъ и пошелъ дальше, къ синему морю; видитъ — на пескѣ лежитъ, издыхаетъ щука-рыба. — „Ахъ, Иванъ-царевичъ!“ провѣщала щука, „сжался надо мною, пусти меня въ море“. Онъ бросилъ ее въ море и пошелъ берегомъ.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочекъ къ избушкѣ; стоитъ избушка на куриныхъ лапкахъ, кругомъ повертывается. Говоритъ Иванъ-царевичъ: „Избушка, избушка! стань по-старому, какъ мать поставила — ко мнѣ передомъ, а къ морю задомъ“. Избушка повернулась къ морю задомъ, къ нему передомъ.

Царевичъ вошелъ въ нее и видитъ: на печи, на девятомъ кирпичѣ лежитъ баба-яга, костяная нога, носъ въ потолокъ вросъ, сама зубы точитъ. — „Гой еси, доброй молодецъ! зачѣмъ ко мнѣ пожаловалъ?“ спрашиваетъ баба-яга Ивана-царевича. — „Ахъ ты, старая хрычовка! ты бы прежде меня, добраго молодца, накормила, напоила, въ банѣ выпарила, да тогда бъ и спрашивала“.

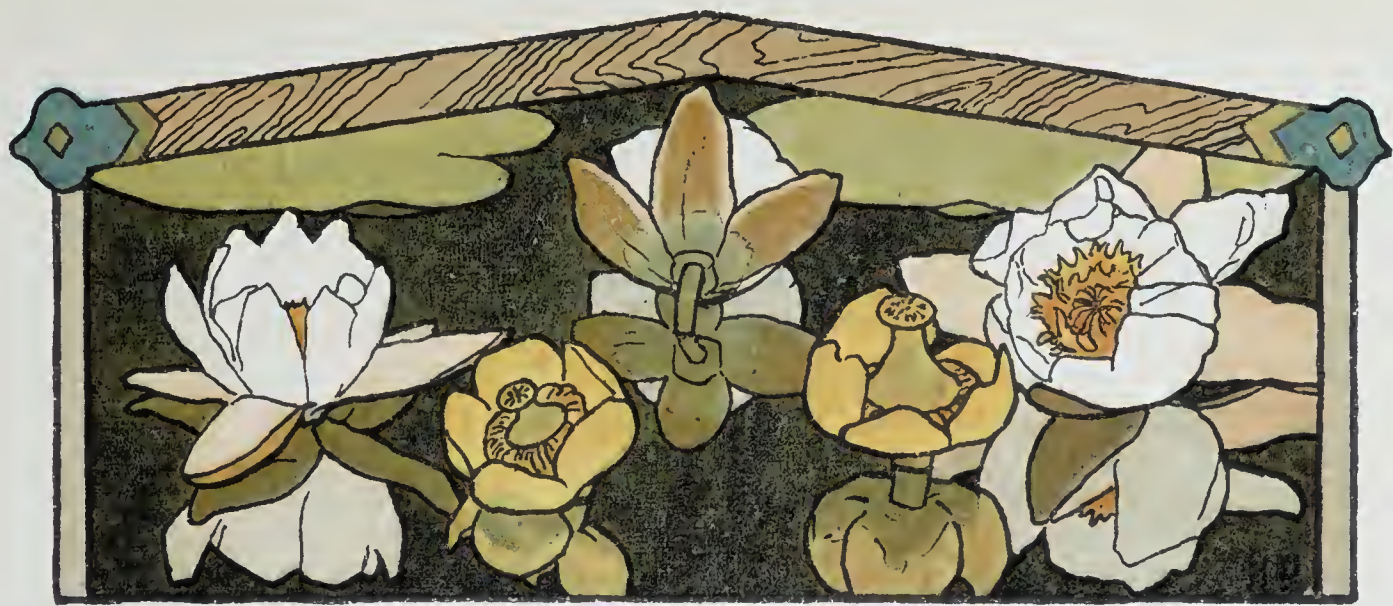
Баба-яга накормила его, напоила, въ банѣ выпарила, а царевичъ разсказалъ ей, что ищетъ свою жену Василису Премудрую. — „А, знаю!“ сказала баба-яга,

„она теперь у Кашея Безсмертнаго; трудно ее достать, не легко съ Кашеемъ сладить: смерть его на концѣ иглы, та игла въ яйцѣ, то яйцо въ уткѣ, та утка въ зайцѣ, тотъ заяцъ въ ларцѣ, а ларецъ стоитъ на высокомъ дубу, и то дерево Кашей, какъ свой глазъ, бережетъ“.

Указала яга, въ какомъ мѣстѣ растеть этотъ дубъ; Иванъ-царевичъ пришелъ туда и не знаетъ, что ему дѣлать, какъ ларецъ достать? Вдругъ, откуда ни взялся — прибѣжалъ медвѣдь и выворотилъ дерево съ корнемъ; ларецъ упалъ и разбился въдребезги, выбѣжалъ изъ ларца заяцъ и во всю прыть на утекъ пустился; глядь — а за нимъ ужъ другой заяцъ гонится, нагналъ, ухватилъ и въ клочки разорвалъ. Вылетѣла изъ зайца утка и поднялась высоко, высоко; летить, а за ней селезень бросился, какъ ударить ее — утка тотчасъ яйцо выронила, и упало то яйцо въ море. Иванъ-царевичъ, видя бѣду неминуемую, залился слезами; вдругъ, подплываетъ къ берегу щука и держитъ въ зубахъ яйцо; онъ взялъ то яйцо, разбилъ, досталъ иглу и отломилъ кончикъ. Сколько ни бился Кашей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть!

Иванъ-царевичъ пошелъ въ домъ Кашея, взялъ Василису Премудрую и воротился домой. Послѣ того они жили вмѣстѣ и долго и счастливо.

ЖИЗ - БЫЛ ЦАРЬ ,   На дворе был колоз ,
 И царь был дворз ,   На колб мочало ;
 Не начать ли сказку сначала ?

Цена 75 коп.